

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

В О П Р О С Ы ГРАММАТИКИ И ИСТОРИИ ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • ЛЕНИНГРАД

1 9 5 8

Ответственный редактор
А. К. БОРОВКОВ

Г. Д. Санжеев

НАКЛОНЕНИЯ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

1

Категория наклонения в монгольских языках относится к числу таких явлений, которые в монголоведной лингвистической литературе до сих пор не подверглись специальной разработке. До настоящего времени монголистика в сущности обходилась даже без употребления термина „наклонение“, если не считать более ранние монголоведные монографии и грамматические пособия практического характера.

А. Попов, один из первых русских монголистов, находил в ойратском языке следующие шесть наклонений.

1. Повелительное, которое „выражает повеление или советование одного предмета другому“ и представлено тремя специальными формами 2-го лица: а) единственного числа — *сана* ‘думай’; б) множественного числа — *санагтун* ‘думайте’; в) будущего времени — *санārai* ‘думай’, ‘думайте’ (не теперь, а потом).

2. Неокончателное, которое „показывает действие или состояние предмета без всякого ограничения времени, числа и действующих лиц“ и представлено формой, получившей впоследствии, как и у самого А. Попова, наименование „будущее причастие“ или „причастие будущего времени“, например *санаху* ‘думать’, ‘имеющий думать’.

3. Изъявительное, которое „выражает присвоение предмету какого-либо действия с определением времени, числа и действующих лиц“ и представлено четырьмя изъявительными формами, а именно: а) настоящего неопределенного времени — *санамуі* ‘думает (вообще)’ (ср. русское „настоящее расширенное время“); б) прошедшего близкого определенного времени — *санаба* ‘думал (в присутствии говорящего)’; в) прошедшего близкого неопределенного времени — *санаджі* ‘думал (в наше отсутствие)’; г) будущего времени — *санају* ‘будет думать (скоро)’.

Кроме этих четырех основных изъявительных форм, в ойратском языке имеются, по мнению Попова, также аналитические формы изъявительного наклонения, в образовании которых участвуют причастия и деепричастия со вспомогательными глаголами или связками; например: а) настоящего определенного времени (соединительное деепричастие и связка *бајіна* ‘есть’) — *санаджі бајіна* ‘думает (о конкретном действии настоящего времени)’; б) настоящего продолжительного времени (продолжительное деепричастие и связка *буі* ‘есть’, ‘сущий’) — *санагсәр буі* ‘продолжает думать’, ‘все думает и думает’; в) прошедшего определенного времени (прошедшее причастие и связка *буі*) — *санагсан буі* ‘думал’; г) будущего неопределенного времени (будущее причастие и связка *буі*) — *санаху буі* ‘будет думать (когда-то)’ и т. д. общим числом до тринадцати аналитических форм изъявительного наклонения.

4. Условное, которое „показывает действие или состояние предмета под условием или предположением или означает только последовательность действия во времени“; это наклонение представлено формами условного и уступительного деепричастий, а также причастиями, сопровождаемыми вспомогательными глаголами в формах названных деепричастий, например: а) прошедшего времени — *іребесү* ‘если придет (то сделает то-то)’; б) давнопрошедшего времени (прошедшее причастие и вспомогательный глагол в форме условного деепричастия) — *ірегсен болбасу* ‘если уже приехал’; в) будущего времени — *ірекјле* ‘если придет’, ‘когда придет’; г) будущего относительного времени (будущее причастие и тот же вспомогательный глагол) — *ірекј болбасу* ‘если приедет (то прежде приезда будет то-то)’;

5. Сослагательное, которое „показывает действие или состояние предмета сомнительным, неверным или только возможным“ и передается частицей сомнения *за*, употребляющейся при некоторых изъявительных формах со значением „может быть“, „кажется“, например: *иребе за* ‘кажется, приехал’, *ирекү за* ‘может быть, приедет’. Это наклонение выражается также той формой, которая именуется ныне в монголистике дубитативной и передает сомнение, опасение и т. п. — в зависимости от диалекта; например *сануузаі* ‘как бы не подумал’.

6. Желательное, выражающее „действие или состояние предмета с изъявлением желания, намерения или решимости“ и передающееся повелительными формами 1-го и 3-го лица; например: а) единственного числа 1-го лица — *санасү* ‘подумаю-ка’; б) множественного числа 1-го лица — *санаја* ‘подумайте-ка’; в обоих числах 3-го лица — *санатугаі* ‘пусть подумает’, ‘да подумают’.

Причастия и деепричастия А. Попов оставил вне категории наклонения, хотя и считал их способными участвовать в образовании аналитических форм разных наклонений, а условное деепричастие и будущее причастие — способными образовывать формы соответственно условного и „неопределенного“ наклонений и самостоятельно, в чем нельзя не видеть известной непоследовательности в грамматическом изложении ойратского глагола, сделанном этим автором.¹

Таким образом, в большинстве случаев А. Попов к каждому своему наклонению „прикрепил“ соответствующие глагольные формы. Кроме того, при создании своей схемы наклонений в ойратском языке он принял во внимание модальные слова или частицы типа *за* ‘кажется’, ‘может быть’ и различные формы вспомогательных глаголов, особенно формы изъявительного наклонения. В этом заключается слабая сторона изложенной схемы наклонений А. Попова. Путь установления категории наклонения в монгольских языках, указанный А. Поповым, угрожал некоторой тавтологией, особенно при дальнейшей детализации типов наклонений: условное наклонение выражается условным деепричастием, уступительное

¹ А. Попов. Грамматика калмыцкого языка. Казань, 1847, стр. 133—171. (Определения форм наклонений нами даны в формулировках и выражениях цитируемого автора).

наклонение — уступительным деепричастием, повелительное наклонение — повелительными формами, предельное наклонение — предельным деепричастием, целевое наклонение — целевым деепричастием и т. д.

Поэтому последующие монголисты должны были отказаться от такого метода изложения наклонений в монгольских языках и приступить к прямому описанию и непосредственному исследованию отдельных форм глагола. Но дело нельзя было сводить только к анализу глагольных форм и их синтаксических функций, — нужно было как-то обобщить результаты такого анализа и соответственно этому сгруппировать эти формы в определенные разряды. Это вскоре же было осуществлено Алексеем Бобровниковым, нашедшим решение вопроса в исследовании и определении синтаксических функций глагола в монгольских языках и давшим следующую, более правильную классификацию глагольных форм в этих языках.

А. Окончательные глагольные формы: 1) повелительные, или побудительные; сюда вошли также формы и желательного наклонения А. Попова; 2) описательные и повествовательные, получившие впоследствии в монголистике наименование изъявительных форм. Особенностью окончательных глагольных форм является то, что все они могут быть в предложении только окончательными сказуемыми.¹

Б. Неокончательные глагольные формы: 1) причастия, могущие выступать в любой синтаксической функции, т. е. употребляться в положении определения, сказуемого со связкой или иногда без таковой, подлежащего, обстоятельства и дополнения (*гаругсан морін* 'вышедшая лошадь', 'лошадь, которая вышла'; *морін гаругсан амуі* 'лошадь вышла'; *морін гаругсан-ану медегдебе* 'стало известно, что лошадь

¹ Окончательным, или заключительным, сказуемым в монголистике принято называть такое, которым заканчиваются простые, слитные или сочиненные предложения, т. е. единственное или последнее в ряду однородных сказуемых, ибо первые в порядке следования сказуемые выражаются сопутствующими деепричастиями; например: *аха адугун-дур жабуджу, бі хонібен харіцулба* 'старший брат отправился за табуном, а я пас овец' (букв. 'старший брат отправившись за табуном, я пас овец'). Здесь, как и выше, примеры даны из классического монгольского языка. Подробнее о классификации глагольных форм применительно к системе глагола в современном монгольском языке см. ниже.

вышла'; *морін гаругсан-дур* 'когда лошадь вышла'; *морін-у гаругсан-і* 'о том, что лошадь вышла'), и 2) деепричастия, которые в общем могут выражать сопутствующие и обстоятельственные действия и поэтому выступают в предложении только в качестве его второстепенных членов.¹ Общим для всех причастий и сопутствующих деепричастий является то, что они не имеют той относительно ограниченной, но точно определенной синтаксической нагрузки, которая так характерна для окончательных глагольных форм и обстоятельственных деепричастий (о сопутствующих и обстоятельственных деепричастиях см. ниже).

В 1903 г. Г. Рамстедт предложил следующую классификацию глагольных форм в халхаском диалекте монгольского языка.

А. „Истинные“ глагольные формы, функционирующие в предложении только предикативно: 1) формы требования (*Zumutungsformen*), 2) формы настроения (*Stimmungsformen*) и 3) временные или индикативные формы.

Б. Глагольные имена, функционирующие не только предикативно, но и в других синтаксических положениях; сюда оказались включенными не только причастия, но и многие отглагольные имена прилагательные.

В. Деепричастия, функционирующие в качестве определения сказуемого и в свою очередь подразделяющиеся на „фиктивные“ и „истинные“, первые из которых по своему происхождению являются глагольными формами, а вторые — именными.²

Как видно, Г. Рамстедт лишь несколько видоизменил классификацию А. Бобровникова, поскольку это касается синтаксического аспекта определения глагольных форм в монгольских языках. Что же касается подразделения деепричастий на „фиктивные“ и „истинные“, то это, конечно, к грамматической природе деепричастий никакого отношения не имеет, а с исторической точки зрения не может считаться безукоризненным, так как о некоторых „истинных“ деепричастиях

¹ См.: А. Бобровников. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849, стр. 120—145.

² G. Ramstedt. Über die Konjugation des Khalkha-mongolischen. Helsingfors, 1903, стр. 3, 24, 56 и 57.

никак нельзя сказать, что они происходят от каких-либо именных форм глагола (таковы, например, соединительное, слитное и разделительное деепричастия). Если условное и уступительное деепричастия действительно происходят от „чистой“ глагольной формы, а именно от изъявительной формы настоящего-прошедшего времени на *-ба*, то они в грамматическом отношении менее всего могут быть определены как глагольные, ибо субъект действия, выражаемого ими, передается именами в форме родительного или винительного падежа, а также и основой, например: халхаск. *эгчийг ирвэл чи явна* 'если придет сестра, то ты пойдешь' (букв. 'если сестру придет, то ты пойдешь'); бур. *эгэшин ерэбел ши ябахаш* (букв. 'если сестры придет, то ты пойдешь'); *наран гарабал дулаан болохо* 'если солнце взойдет, то будет тепло'.

Другие монголисты вообще не уделяли внимания изучению и точному терминологическому определению глагольных форм с точки зрения их модального значения. В своих исследованиях, носивших преимущественно диалектологический характер, и практических пособиях по монгольским языкам эти ученые либо придерживались схемы А. Бобровникова или Г. Рамстедта, либо излагали монгольские глагольные формы применительно к схеме глагола в индоевропейских языках, поскольку это, по их мнению, казалось целесообразным в педагогическом отношении. Так, например, А. Д. Руднев, почти полностью принимая изложенную схему Г. Рамстедта, представил систему монгольского глагола в следующем виде:

А. Чисто глагольные формы: 1) повелительного и 2) изъявительного наклонения.

Б. Именные формы глагола или причастия; отглагольные имена прилагательные, во изменение схемы Г. Рамстедта, сюда не включены.

В. Конвербиальные формы глагола, или деепричастия.¹

Впоследствии А. Д. Руднев предложил уже несколько видоизмененную схему глагольных форм применительно к данным хоринского диалекта бурят-монгольского языка. Во-первых, А. Д. Руднев на этот раз выделил без какого бы то ни было определения так называемые „особые глагольные

¹ А. Д. Руднев. Лекции по грамматике монгольского письменного языка. 2-е изд., М., 1931, стр. 36—57.

спряжения и формы“ — желательную, условную, сомнения, подтверждения, предположения и вопросительные, разбором которых мы здесь заниматься не будем. Во-вторых, в группу изъявительных форм оказались включенными и причастия по выполняемой ими предикативной функции, в результате чего у А. Д. Руднева одна и та же форма глагола выступает в составе то причастий, то изъявительных форм.¹ Здесь верным является лишь то, что причастия в монгольских языках действительно участвуют в образовании аналитических форм изъявительного наклонения, от чего они, конечно, не перестают быть причастными подобно „неопределенной форме“ русского глагола, которая, участвуя в образовании аналитической формы будущего времени изъявительного наклонения несовершенного вида, не перестает быть инфинитивом.

В некоторых школьных грамматиках бурят-монгольского языка схема А. Д. Руднева нашла свое отражение в том смысле, что причастие будущего времени на -ха по выполняемой им предикативной функции называется также и формой будущего времени изъявительного наклонения.² Прочие причастия в этих учебных грамматиках подобной двоякой интерпретации не подвергаются, хотя употребительны и в предикативной функции. Дело в том, что изъявительные формы в бурят-монгольской лингвистической литературе называются *саглуулхан*, то есть „временными“. А так как среди этих „временных“ форм отсутствует такая, которая выражала бы действие будущего времени, то ее пришлось „позаимствовать“ у причастий: как же-де можно допустить, чтобы в бурят-монгольском языке не оказалось изъявительной формы будущего времени?! Что же касается причастий прошедшего и настоящего времени, то они ввиду наличия изъявительных форм этих времен не подверглись двоякому истолкованию. Таким образом, вместо изложения аналитических форм изъявительного наклонения мы находим в школьных грамматиках бурят-монгольского языка как бы нарочитое смещение разных явле-

¹ А. Д. Руднев. Хори-бурятский говор. Пгр., 1914—1915, §§ 132—191.

² См., например: Д. Дугар-Жабон. Бурят-монгол хэлэнэй грамматика. Улан-Удэ, 1949, стр. 85. Однако у этого же автора в его „Бурят-монгол хэлэн“ (Улан-Удэ, 1952, стр. 107—108) будущее причастие уже не фигурирует в составе форм изъявительного наклонения.

ний и несомненную непоследовательность в трактовке различных глагольных форм, что характерно также и для некоторых тюркологических исследований.¹

В этих же бурят-монгольских школьных грамматиках иногда выделяется в особое „желательное наклонение“ форма на *-хай* (*ябаһай*, халхаск. *яваасай*, классич. *јабусугай* 'хорошо бы пойти'), которая вообще в монголистике относится к группе повелительно-желательных форм. Однако такое выделение особого „желательного наклонения“ в грамматическом плане не имеет никакого серьезного обоснования, если не считать того, что эта форма в отличие от прочих повелительно-желательных форм оказывается нейтральной в отношении выражения лица или безличной, так же как остальные формы глагола — изъявительные, причастия и деепричастия. Для уточнения лица употребляются либо местоименные и иные подлежащие, либо лично-предикативные частицы, например, *ябаһ-айб!* 'хорошо бы мне пойти!', *ябаһайбди!* 'хорошо бы нам пойти!', *ябаһайш!* 'хорошо бы тебе пойти!', *ябаһайт!* 'хорошо бы вам пойти!', *ябаһай!* 'хорошо бы ему пойти!', *ябаһ-айд!* 'хорошо бы им пойти!'.²

¹ Ср., например: А. Н. Кононов. Грамматика узбекского языка. Ташкент, 1943, стр. 163—188 и 204—209. В этой содержательной грамматике сначала описываются формы изъявительного наклонения в узбекском языке, а затем — причастия и деепричастия, часть которых, однако, рассматривается и как изъявительные формы, а о других сообщается, что они входят „в состав“ тех или иных времен (стр. 208—209). Как известно, сказуемое употребление причастных и деепричастных форм глагола в науке никогда не признавалось как их превращение в изъявительные. Например, сказуемое употребление деепричастия прошедшего времени во многих говорах русского языка не дало основания признавать его формой изъявительного наклонения (см.: П. С. Кузнецов. Русская диалектология. М., 1951, стр. 78—80). Ср. также участие причастий многих индоевропейских языков в образовании аналитических форм сложных времен изъявительного наклонения.

² Д. Дугар-Жабон. Бурят-монгол хэлэн, стр. 106—114. Лично-предикативные частицы употребляются и при некоторых других повелительно-желательных формах глагола, но не столько для обозначения лица, ибо в этом нужды нет, сколько для уточнения числа, которое не определено в самих этих формах. Например, в бурят-монгольском языке повелительно-желательная форма 2-го лица будущего времени на *-аарай*, будучи формой именно только 2-го лица, не уточнена в отношении числа: *ябаарай!* 'пойдешь' или 'пойдете!', но: *ябаарайш!* 'пойдешь!'

В данном случае авторы школьных грамматик исходят из того ошибочного представления, что якобы повелительное наклонение выражает только повеление или приказание. В действительности же, с одной стороны, и „чистые“ повелительные формы выражают не только повеление, но и просьбу, мольбу, увещание, соизволение и т. д.; с другой стороны, и желательная форма в определенных стилях речи может выражать категорическое повеление или безоговорочное требование.

В школьных грамматиках современного монгольского языка повелительно-желательные формы подразделяются на три подгруппы: 1) 1-го и 2-го лица, собственно повелительные, 2) желательные 3-го лица и 3) одна безличная предостережения (*явуузай* 'как бы не ушел'). В этих грамматиках причастия не подвергаются двоякому истолкованию, как в некоторых грамматиках бурят-монгольского языка, т. е. по выполняемой ими предикативной функции причастия не переводятся в разряд изъявительных форм.¹

Иногда в отношении повелительно-желательных форм 1-го и 3-го лица утверждается, что отнесение их к повелительно-желательному наклонению не является правильным, так как где повеление или приказание самому себе или отсутствующему, третьему, лицу представляется невозможным (в монголоведной литературе такие соображения не высказывались, хотя и выставлялись на разного рода лингвистических совещаниях). Но в грамматическом плане объединение всех упоминаемых здесь форм в одну общую группу повелительно-желательного наклонения обосновано тем, что, помимо сказанного, все они характеризуются такими общими чертами, как: а) выражение действия как желаемого; б) наличие только им присущего препозиционного отрицания (бур. *бу*, халхаск. *битгий*, классич. *буу* 'не'); в) наличие категории лица или соотносительности к определенному лицу, хотя и без уточнения числа; г) отсутствие категории и *ябаарайт!* 'пойдете!'. Как известно, так же обстоит дело с повелительно-желательными формами и в тюркских языках, в которых число уточняется либо при помощи особых аффиксов, либо при помощи обычного окончания множественного числа -лар; например, узбекск. *бошла!* 'начинай!', *бошлан!* 'начинайте!', *бошласин!* 'пусть начнет!', *бошласинлар!* 'пусть начнут!'.
¹ Лувсанвандан ба Дэмчигдорж. Монгол хэлний зүй. Улаан-баатар, 1951, стр. 116—126.

времени, поскольку все эти формы по смыслу ориентированы на близкое или отдаленное будущее.

Ни одна из повелительно-желательных форм не обозначает действие как реально протекающее: они не устанавливают наличие действия в настоящем, прошедшем или будущем времени, как и не отрицают его. Они, повторяем, выражают только желание или волю говорящего, чтобы соответствующее действие совершилось в течение ближайшего или отдаленного будущего времени. Но в грамматическом плане не имеет никакого значения то обстоятельство, как же именно выражается говорящим такое желание, в виде ли прямого повеления и безоговорочного требования, в виде ли просьбы или простой констатации такого желания. Ведь если учитывать не общие грамматические особенности различных глагольных форм, а их частные смысловые детали, то придется, например, так называемые временные формы не объединять под общим наименованием изъявительного наклонения, а разбивать на более частные „наклонения“, например, собственно изъявительное *явна* ‘идет’, *явав* ‘пошел’, подтвердительное *явлаа* ‘ведь пошел’ и „неожиданное“ *явжээ* ‘оказывается, пошел’ (примеры из современного монгольского языка, см. ниже перечень глагольных форм).

Но в том же грамматическом плане между повелительно-желательными формами имеется, однако, то различие, что формы 3-го лица не могут образовать такие обороты, которые содержали бы в себе так называемое обращение, как бы заменяющее собой подлежащее, тогда как прочие повелительно-желательные формы образуют обороты, имеющие как обращение, так и подлежащее (местоименное).

Таким образом, почти для всей монголоведной литературы, как школьной, так и научной, характерно фактическое признание в монгольских языках двух наклонений — повелительного, или повелительно-желательного, и изъявительного. Причастия и деепричастия признаются за такие формы глагола, которые в модальном отношении являются нейтральными и поэтому находятся за пределами категории наклонения, — исключение иногда делается в отношении обстоятельственных деепричастий (см. стр. 17).

Как уже говорилось выше, наиболее правильной является классификация глагольных форм в монгольских языках, предложенная А. Бобровниковым, этим замечательным русским монголистом середины прошлого столетия. Здесь речь идет о простых, синтетических, формах глагола, что при обилии связок, вспомогательных глаголов и модальных слов или частиц является единственно правильным для исследования системы глагола в монгольских языках. Эта классификация глагольных форм в настоящее время принята нами в монголистике лишь с некоторыми незначительными изменениями и применительно к системе глагола в современном монгольском языке имеет следующий вид.

А. ОКОНЧАТЕЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМЫ

1. Формы повелительно-желательного наклонения:

1) 2-го лица, выражается первичной глагольной основой, т. е. эта форма не имеет особого окончания: *яв!* 'иди!';

2) 2-го лица будущего времени, окончание *-аарай:* *яваарай!* 'иди (не теперь, а потом)!';

3) 2-го лица усиленной просьбы или увещевания, окончание *-аа:* *яваа!* 'иди же!';

4) 2-го лица вежливого обращения, окончание *-гтун:* *яваагтун!* 'идите!'; часто интерпретируется как форма множественного числа 2-го лица, в соответствии с чем предыдущие формы считаются формами единственного числа того же лица;

5) 1-го лица, окончание *-я:* *явъя!* 'пойду-ка!', 'пойдемте-ка!';

6) 3-го лица, окончание *-г* или *-тугай:* *яваг!* или *явтугай!* 'да пойдут!', 'пусть идет!';

7) желания, окончание *-аасай:* *яваасай!* 'хорошо бы пойти!', 'было бы хорошо, если бы пошел!';

8) опасения, окончание *-уузай:* *явуузай!* 'как бы не пошел!'.
2. Формы изъявительного наклонения:

1) настояще-будущего времени, окончание *-на:* *явна* 'идет', 'пойдет';

2) настояще-прошедшего времени, окончание *-в:* *явав* 'пошел', 'уходит' (т. е. 'только что пошел');

3) прошедшего времени заведомо известного действия, окончание *-лаа*: *явлаа* 'ведь пошел', 'как известно, ушел', 'ну, я пошел!';

4) прошедшего времени неожиданного действия, т. е. неожиданно ставшего известным, окончание *-жээ*, *-чээ*: *явжээ* 'ушел, оказывается'; *гарчээ* 'оказывается, вышел'.

Б. НЕОКОНЧАТЕЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМЫ

1. Причастия:

1) будущего времени (будущее), окончание *-ах*: *явах* 'имеющий идти';

2) прошедшего времени (прошедшее), окончание *-сан*: *явсан* 'пошедший';

3) настоящего времени (настоящее или несовершенное), окончание *-аа*: *яваа* 'идуший'; *яваагүй* 'еще не пошедший (но имеющий идти)';

4) многократное, окончание *-даг*: *яваг* 'имеющий обыкновенно идти', 'часто или обычно идущий';

5) „однократное“, окончание *-гч*: *явагч* 'идуший'; эта форма все более и более теряет признаки глагола и становится формой образования отглагольных имен деятеля, например, *сурагч* 'учащийся', *эрхлэгч* 'заведующий' соответственно от *сур* 'учиться' и *эрхэл* 'заведовать'; в причастном употреблении в современных монгольских языках она фактически мало чем отличается от многократного причастия.

2. Деепричастия:

1) соединительное, или настоящего времени, окончание *-ж*, *-ч*: *явж* 'идя', *гарч* 'выходя';

2) слитное, или настоящего времени, окончание *-н*: *яван* 'идя';

3) разделительное, или прошедшего времени, окончание *-аад*: *яваад* 'пойдя', 'пошедши';

4) продолжительное, окончание *-саар*: *явсаар* 'продолжая идти', 'с тех пор как пошел';

5) предварительное, окончание *-магц*: *явмагц* 'как только пошел';

6) последовательное, окончание *-хлаар*: *явахлаар* 'когда пошел';

7) совместное, или предела, окончание *-тал*: *явтал* 'до ухода', 'пока не пошел', 'несмотря на то, что ушел';

8) условное, окончание *-вал*, *-бал*: *явбал* 'если пойдет'; *гарвал* 'если выйдет';

9) уступительное, окончание *-вч*: *явавч* 'хотя и ушел', 'несмотря на то, что пошел';

10) целевое, окончание *-хаа*: *яваххаа* 'чтобы идти';

11) заменное, окончание *-нгаа*: *явангаа* 'вместо того чтобы идти (лучше сделать то-то)';

12) попутное, окончание *-нуут*: *явануут* 'коль скоро пошел (то попутно сделать то-то)'; эта форма в современном монгольском языке встречается крайне редко, но очень хорошо известна в восточных диалектах бурят-монгольского языка.

Эти деепричастия по своим синтаксическим особенностям делятся на сопутствующие (соединительное, слитное и разделительное) и обстоятельственные (остальные девять деепричастий). Сопутствующие деепричастия отчасти напоминают деепричастия в русском языке, от которых, однако, они отличаются тем, что могут иметь свои собственные подлежащие. Например: *Хавар болж, цас хайлав* 'Весна настала, и снег растаял' (букв. 'весна становясь, снег растаял'); *Нар гараад, дулаан болов* 'Солнце взошло, и стало тепло' (букв. 'солнце взошедши, тепло стало'); *Бат сураг зурж, Даваг шүлэ уншиж байна* 'Бат рисует, а Даваг читает стихотворение' (букв. 'Бат картину рисуя, Даваг стихотворение читает'); *дараахь үгүүлбэрүүдийг бичээд, үйлүгийн доогуур зур* 'перепиши следующие предложения и подчеркни глаголы' (букв. 'следующие предложения переписав, под глаголами черкни'); *удалгүй цахилгаан гялс хийж, тэнгэр нижигнэн дуугарав* 'вскоре засверкала молния, и гром загредел' (букв. 'молния засверкав, гром загредел').

С описанной синтаксической особенностью сопутствующих деепричастий связано и то, что в монгольских языках повелительно-желательные формы глагола могут, как правило, только заканчивать простые слитные и сочиненные предложения, т. е. быть лишь заключительными сказуемыми, в соответствии с чем незаключительные сказуемые выражаются

в монгольских языках именно сопутствующими деепричастиями, как это видно из приведенных выше примеров.

Иными словами, сопутствующие деепричастия в монгольских языках в модальном отношении являются нейтральными и во всех своих употреблениях подчинены остальным глагольным формам не только с точки зрения модальности, но и времени, лица, синтаксического положения и т. п. В этом смысле сопутствующие деепричастия не могут быть названы отглагольными наречиями, как это принято делать в отношении деепричастий в русском языке.

Что же касается обстоятельственных деепричастий, то они тем еще существенно отличаются от сопутствующих, что если они имеют свое особое „подлежащее“, то последнее в халха-монгольском языке оформляется чаще всего винительным падежом. Например: *Чамайг гэрээсээ морь авчирмагц бид бaгшдаа энэ морийг егье*¹ 'Как только ты приведешь из дома коня, мы отдадим его нашему учителю' (букв. 'Тебя — из дома коня — приведешь только — мы своему учителю этого коня отдадимте-ка'); *Эрдэнийг уулнаас түлээ зөөдөг болсоор бид гертээ түлээтэй болов* 'С тех пор как Эрдэн стал возить с горы дрова, мы дома имеем дрова' (букв. 'Эрдэна — с горы дрова — возить стал с тех пор — мы дома с дровами стали'); *Дулмааг сургуульд орвол, чи над захидал бичээрэй* 'Если Дулма поступит в школу, ты напиши мне письмо' [букв. 'Дулму (ее) школу поступит если, ты мне письмо напиши'].

В бурят-монгольском языке для обозначения „подлежащего“ обстоятельственных деепричастий употребляется не винительный, а родительный падеж. Например: *Миний ерэбэл ши ябахаш* 'Если я приеду, то ты отправишься' (букв. 'Меня приеду если, ты отправишься'); *Эхын гарамсаар бидэ ороходби* 'Как только мать выйдет, мы войдем' (букв. 'Матери выйдет как только, мы войдем').

Вместо винительного или родительного падежа во всех монгольских языках для выражения „подлежащего“ обстоятельно-деепричастного оборота довольно часто употребляется усеченная основа имени. Например: халхаск. *Нар гарвал дулаан*

¹ Примеры из современного монгольского языка заимствованы из книги Ш. Лувсанвандана „Монгол хэлний зүй“ (Улаан-баатар, 1951) и даны без ссылок на этот источник.